

Часть II МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РИСКОВ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

ТИПОЛОГИЯ, КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОСНОВЫ ДИНАМИКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЛН В МИРОВОЙ ИСТОРИИ*

Н. С. Розов

Революционные волны – это серии близких во времени революционных событий, которые происходят в различных (нередко соседних) обществах, служат причинами друг для друга или имеют общие основания.

Далее революционные события, понимаемые как массовые протестные выступления, сопряженные с политическим кризисом, мы будем для краткости называть революциями, причем вне зависимости от последствий: революция может победить (свержение власти или значимые уступки), быть усмиренной (нет свержения, нет уступок, но нет и репрессий) или быть подавленной (реакция, массовые аресты, казни).

Вехи осмысления революционных волн

К. Маркс не описывал волны революций, но призывал к интернационализации революций, например в работе «Классовая борьба во Франции» (1850 г.). В последующей марксистской традиции волны революций неоднократно отмечались, пусть и в иной терминологии (в частности, в работах Розы Люксембург), и приветствовались как свидетельство грядущей всемирной победы пролетариата и коммунизма.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

В 1950–1970 гг. на Западе была популярна теория домино, согласно которой считалось, что победа коммунистического движения в одной стране (например, во Вьетнаме или на Кубе) прямо угрожала подобными событиями в соседних странах.

Относительно свободное от идеологии предметное изучение революционных волн началось только в последние десятилетия XX в. Так, в специальной монографии Марк Кац сравнивал «марксистско-ленинские», арабские, националистические и исламские революции именно как волны (Katz 1999).

Со времен К. Маркса общим местом в понимании революционных волн стало представление о том, что общества откликаются на волну соответственно степени своего «созревания» для революции¹. Это «созревание» может быть представлено как интегральная переменная с полюсами «революционная ситуация» (когда достаточно малого толчка для начала массовых и упорных протестов) и «совершенно стабильный режим», где любые напряжения и конфликты разрешаются в соответствии с принятыми институтами и ничто не может нарушить крепости и легитимности такого устройства. Исследователи уделяют наибольшее внимание трем большим группам структурных факторов, движущих от стабильности к революционной ситуации.

- Демографические изменения, особенно перенаселенность, массовый приток селян в города, которые не могут их «переварить», «молодежный бугор» и т. д. (Goldstone 1991; Гринин и др. 2010).

- Геоэкономические и зависящие от них социально-экономические факторы. Так, спады в циклах мировой экономики ведут к падению благосостояния элит, обнищанию населения, бюджетному дефициту в слабейших обществах, что влечет политическую нестабильность, чревато революциями и государственными распадами (Boswell, Dixon 1990).

- Геополитика и циклы гегемонии. Если установление сильной гегемонии обеспечивает относительную стабильность международной системы, то при упадке гегемонии становятся вероятными

¹ «Революция 1848 г. заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, устроили революцию, все не созревшие народы объединились против революции» (цит. по: Маркс, Энгельс 1956: 215).

вспышки протестной мобилизации, мятежи против режимов, зависящих от терпящего кризис международного порядка (Arrighi, Silver 1999).

Интерес исследователей особенно повысился после волн «цветных революций» 1990–2000-х гг. и Арабской весны 2011–2012 гг.

В статьях отечественных исследователей фиксируется сам факт волн и выдвигаются общие гипотезы их возникновения (Цирель 2011; Коротаев и др. 2015). Есть также случаи использования термина в откровенно тенденциозных, идеологизированных публикациях (Жильцов 2005).

В настоящее время преобладают либо конкретные исследования отдельных революций, либо большие статистические исследования множества случаев нестабильности с формальным анализом факторов. Несколько книг и десятки статей посвящены разным аспектам феномена революционных волн.

В *исторических описаниях* подчеркивается общность идеологических требований и сил культурного изменения поверх национальных границ. В *социологических объяснениях* главную роль играют общие для стран структурные процессы.

Колин Бек исследует идеологические корни революционных волн. Он предлагает «объединить социологическую структурную перспективу и историческое культуральное описание революционных волн с принятием двух утверждений: 1) революционные волны являются транснациональными событиями системы государств как целого; 2) революционные волны – это глубокие культурные события, поскольку включают альтернативные идеалы политического порядка» (Beck 2011: 168). Он указывает на соответствие периодов революционных волн с относительно быстрым ростом мировой культуры на системном уровне.

К. Бек рассматривает два механизма действия мировой культуры. Во-первых, согласно новым сценариям мировой культуры для индивидов открываются возможности новых политических практик (забастовки, стачки, митинги, шествия, пикеты, палаточные городки и т. д.). Во-вторых, идеи мировой культуры действуют на элиты, обычная уверенность которых в оправданности жесткого подавления уличных протестов и государственных репрессий раз-

мывается, их легитимность в собственных глазах снижается, происходит раскол элит и появление контрэлиты.

Любопытны соображения Бека об истоках воспроизводящегося разрыва между идеями мировой культуры и консервативными идеологиями защиты существующих режимов. Он ссылается на «Социологию философий» Р. Коллинза (2002), где показано, что новые идеи возникают в интеллектуальных сетях вследствие продолжающегося спора (идейного конфликта) между фракциями интеллектуалов.

«Если это верно, то трансформативная революционная идеология может быть продуктом самого по себе идеационного процесса. Революция и контрреволюция нуждаются друг в друге и вырастают одновременно» (Beck 2011: 173–174).

Со времен Реформации и Просвещения развиваются две доминирующие идейные линии: 1) прогрессизм, оправдывающий изменения, новации, новые интерпретации, новые институты и практики; 2) защита личности в форме равенства душ перед Богом, гражданского равенства, критики и отрицания рабства, крепостничества, сословности, гендерного, расового, этнического, конфессионального и прочих неравенств. Заметим, что старые режимы, вызывающие протесты и революционный гнев, как правило, опираются на консерватизм (недоверие к изменениям), а также устоявшиеся порядки социального неравенства: от сословного до гендерного и расового. Таким образом, развитие обеих идейных линий мировой культуры закономерно снова и снова вступает в противоречие со старыми режимами, что К. Бек и считает главным фактором революционных волн.

Революционные волны могут быть исследованы в разных контекстах: с точки зрения процессов модернизации, глубинных причин назревания кризисов, социально-философской проблематики прогресса, эволюции, легитимности старых и новых режимов, критериев оценки революционных и контрреволюционных действий и стратегий политических акторов.

Остаются недостаточно изученными международные факторы: когда одна революция приводит к революции в соседней стране (эффект домино), когда великие державы по каким-то причинам либо выступают на стороне старых режимов, либо поддерживают

революционные движения, либо разделяются в своей поддержке, причем сравнение революционных волн из разных эпох позволяет выделить не частные, конкретно-исторические, а общие, структурные факторы этих явлений.

Типы революционных волн

Основанием для типологии служит связь между революциями в разных обществах. Обозначим революцию, послужившую причиной волны, как «исходную». Далее идут «последующие» революции или революционные события, глубокие социально-политические кризисы с реальной опасностью свержения власти и, наконец, «закрывающее» революционное событие, после которого волна прекращается.

Будем называть обществом-донором такое, революция в котором послужила причиной последующих революций в обществах-реципиентах. Обществом обычно бывает страна (национальное государство, полития), но в больших империях, мир-империях, колониальных империях, союзных государствах и конфедерациях обществами также считаются культурно и политически автономные провинции (княжества, этнические анклавы, национальные республики), среди которых также могут проходить революционные волны.

На основе первичного обобщения волн революций XVI–XXI вв. выделено пять типов связи: прямая эмоциональная (домино), трансферная (перенос способов политического действия через общение), идейная (преемственность целей, лозунгов, организационных образцов), военная (включение в общую войну) и структурная (общность базовых, прежде всего социально-экономических и демографических, причин). В этом перечне нет полноты и единого основания. Поэтому могут быть выделены новые типы связи либо обнаружится, что какие-то из указанных типов следует разделить. Пока же представим типологию революционных волн на основе данного ряда связей.

Домино-волны происходят, когда революция в одном обществе (доноре) прямо и непосредственно, через сильный эмоциональный эффект приводит к революции в другом обществе (реципиенте). «Весна народов» 1848–1849 гг. и Арабская весна (2011–2012 гг.)

служат яркими примерами домино-волн. В таких волнах нет чьей-либо целенаправленной деятельности по экспорту или импорту революций, они возникают в силу достаточной степени «созревания» обществ и толчка впечатляющих (особенно успешных) революций в соседних и/или политически, культурно референтных обществах.

Наведенные (индуцированные) волны происходят, когда имеет место перенос образцов организации и ведения протестных политических действий (насильственных и/или мирных): либо эмиссары из общества-донора, из державы, спонсирующей революцию, привозят литературу, обучают местных лидеров, активистов, сами могут участвовать в протестах, революционных действиях (экспорт революции), либо стремящиеся к революции «паломники» приезжают в общество-донор с победившей революцией, в державу-спонсор за опытом и инструкциями (импорт революции)². Примерами служат революции, инспирированные, поддержанные Коминтерном, СССР (от Испании 1936 г., помощи маоистам в Китае в 1940-х гг. до афганских событий конца 1970-х гг.), роль Кубы в революциях в странах Латинской Америки и Африки; роль различных организаций, фондов США и ЕС в «бархатных» и «цветных» революциях, роль Саудовской Аравии, Катара, Ирана в революциях в арабских странах в 2011–2012 гг.

Полемогенные волны (от греческого πόλεμος – война) происходят в обществах, вовлеченных в общую войну или серию связанных войн, как правило, в проигрывающих державах (таковы Кемалистская революция в Турции 1918–1923 гг., Ноябрьская революция в Германии 1918 г.), но также вследствие военного напряжения, ослабления имперского принуждения (революция в Российской империи 1917–1918 гг., Ирландское восстание 1916 г. и война за независимость против Великобритании 1919–1921 гг.).

Идейные волны происходят при наличии явной преемственности лозунгов, религиозных идей, идеологических ценностей, социальных и политических идеалов. Сюда относится также заимствование организационных, институциональных образцов прошлых

² В литературе выделяют следующие элементы, распространяемые в революционных волнах: цели мобилизации, темы, идеи; формы организации; тактика и типы действий; общие стратегии для движения; информация о вероятном успехе и результатах мобилизации (Beck 2015: 134).

революций, но образцы эти почерпнуты из книг, а не обязательно из личного общения и взаимодействия (как в наведенных волнах). Реформация в Северной Европе XVI в., буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Франции, революции в России 1905 г. и феврале 1917 г., в Османской империи 1908 г., в Мексике 1910 г. и Китае 1911 г., связанные с общими идеями перехода к современному типу государства (с конституцией и парламентом), марксистские и советские революции 1910–1930-х гг., национально-освободительные революции 1950–1960-х гг., антикоммунистические революции 1980–1990-х гг. – все представляют собой прежде всего идейные волны.

Структурные волны происходят в разных обществах, но вследствие общих базовых (социально-экономических, геополитических, геоэкономических, технологических, экологических, демографических, культурных) причин. Такими причинами могут быть процессы колонизации, быстрого прогресса в военных технологиях (военной революции), коммерциализации, модернизации, индустриализации, урбанизации, роботизации, глобализации, геокультурной экспансии и т. д. Крестьянские и рабочие восстания, антифеодальные буржуазные революции, национально-освободительные движения, как правило, имеют общие структурные причины, и некоторые из них входят в структурные волны.

Наличие одной связи между революциями в разных обществах ни в коем случае не означает отсутствия между ними иных связей. Таким образом, выделенные типы волн не исключают друг друга, но образуют пересекающиеся подмножества единого множества революционных волн.

Все наведенные волны являются также идейными, поскольку лозунги, революционные цели и идеалы – важный компонент переноса образцов.

Предположительно, многие полемогенные волны распространяются по принципу домино (в едином информационном и эмоциональном пространстве общей войны), а большинство домино-волн и идейных волн являются структурными (легкость «возгорания» в территориально и/или культурно близких обществах задается назреванием напряжений вследствие общих базовых причин, что связано и с популярностью общих лозунгов).

Домино-волны, наведенные и полемогенные волны (далее объединим эти три типа под общим названием «волны-цепочки») всегда сконцентрированы во времени, часто в пространстве, а если и разнесены в пространстве, то между революциями всегда прослеживаются информационные, организационные или военные связи.

С идейными и структурными волнами дело обстоит сложнее. Что если общие идеи или базовые причины были в революционных событиях, отстоящих друг от друга на десятки и сотни лет, в обществах на разных континентах? Здесь уже требуются критерии различения волн и неволн (то есть рядов отдельных, не связанных между собой революций).

Критерии выделения революционных волн как класса явлений

Если международная война идет непрерывно, то все революции, произошедшие в военный период и последующие три года после окончания войны, в воюющих обществах, в их сателлитах и колониях будем считать входящими в одну *полемогенную волну*. Такой подход мотивирован тем, что революции обычно происходят при ослаблении правительств, падении легитимности власти, снижении государственной монополии на насилие, истощении ресурсов и росте социальной конфликтности: международные войны составляют сильнейший стресс для каждого из этих факторов.

Домино-волны имеют место, если временной промежуток между революционными событиями в разных обществах не превышает полугодия (для ранних исторических периодов, до XIX в., следует делать поправку на малую скорость коммуникаций – здесь временной лаг может быть до 2–3 лет). Также для квалификации серии революций как домино-волны необходимы свидетельства сильного впечатления, произведенного событиями в обществе-доноре на протестные группы, их лидеров в обществе-реципиенте, своего рода «эмоционального заражения», достаточно также зафиксированных призывов к подражанию иноземным мятежам, протестам, революциям.

Для *наведенных волн* этот промежуток может быть существенно больше. Пожалуй, здесь не обойтись без произвола. Для наведенных волн срок не должен быть больше одного поколения

(25 лет), поскольку разрыв более одного поколения ставит под вопрос непосредственное взаимодействие по экспорту и импорту революции.

Если революции следуют друг за другом за меньший срок, то считаются принадлежащими к одной волне, если за больший, то считаются отдельными революциями.

Отсчитывать срок нужно не от истоков революции в общественно-доноре, а от первого яркого резонансного события, вернее, даже от того момента (нескольких дней), когда оно стало достоверно известно, «прозвучало», стало важнейшей новостью в общественно-реципиенте. В качестве хрестоматийных примеров таких событий можно привести взятие Бастилии в июле 1789 г., отречение Луи-Филиппа в феврале 1848 г., отречение Николая II в марте 1917 г., разрушение Берлинской стены в ноябре 1989 г., победу Ельцина и его сторонников над ГКЧП в августе 1991 г.

Что же считать первым значимым революционным событием? Революции могут вызревать долго, разворачиваться в течение недель и месяцев. Установление жесткой границы между событиями всегда отчасти произвольно. Правильно будет указать на массовые протестные акции (митинги, шествия, забастовки и прочее), но и они могут проходить в меньших масштабах до того, как революция действительно разразится. Поэтому примем следующие три критерия для установления срока начала революции:

- происходит массовая протестная акция с политическими требованиями к властям, причем численность ее участников как минимум в 5–10 раз больше, чем в подобных предшествующих акциях за последний год;
- в последующих массовых акциях численность либо возрастает, либо не снижается, тогда как лозунги и требования становятся радикальнее, возможно, также повышается уровень взаимного насилия;
- в результате этих последующих акций происходят существенные изменения во власти и контроле над насилием (уступки, роспуск правительства, отречения, свержения, объявление чрезвычайного положения, ввод войск, переход к репрессиям и т. д.);

- дата такой первой массовой акции (с последующим неудержимым развертыванием событий) и будет считаться началом революции (удавшейся, усмирённой или подавленной).

Идейная преемственность (например, свобода, равенство, национальное самоопределение) и общие структурные причины (например, модернизация или урбанизация) могут быть у революций в обществах, весьма далеко отстоящих друг от друга во времени и/или пространстве. Что считать идейной или структурной волной? Общий принцип таков: для вхождения в одну волну революциям в близких обществах нужно происходить при достаточно большом разрыве, а революциям в отдалённых обществах – при кратком разрыве.

Вначале сформулируем точнее общие критерии для этих двух типов нецепных волн. В ряду революций:

- либо общество-донор и общество-реципиент являются соседями (имеют общую сухопутную границу или водоем при развитом водном сообщении);

- либо они принадлежат к некоему политическому, культурному целому (например, провинции одной империи, метрополия и колония, колонии одной метрополии и т. д.);

- либо они имеют между собой настолько плотные экономические, культурные и политические связи, что крупные события в обществе-доноре обычно являются важными новостями и активно обсуждаются, остро переживаются в обществе-реципиенте;

- тогда революции в разных обществах считаются принадлежащими к одной волне, если промежуток между ними составляет не более одного поколения (условно – 25 лет);

- если же общества пространственно, культурно, экономически отдалены (не выполняются первые три условия), тогда для принадлежности к одной волне промежуток между революциями не должен превышать трех лет.

Для идейных волн также примем дополнительный критерий:

- есть достоверные свидетельства преемственности идей, лозунгов, использования революционных текстов общества-донора в обществе-реципиенте.

Для структурных волн дополнительный критерий формулируется так:

- обнаруживаются общие базовые (геоэкономические, геополитические, социально-экономические, демографические, технологические, экологические, культурные) причины революций в одной волне.

Основные революционные волны

Было несколько попыток составить список революционных волн. Совместим эти списки с указанием характера каждой волны (Д – домино, Н – наведенные, П – полемогенные, И – идейные, С – структурные).

Признанный авторитет в исследовании революций Дж. Голдстоун выделяет следующие революционные волны:

1. 1776–1794 гг. – атлантические революции, движимые антимонархическими настроениями (США, Нидерланды, Франция); Н, И.

2. 1848–1849 гг. – европейские революции, движимые либерализмом («Европейская весна»); Д, Н, И, С.

3. 1950–1970 гг. – антиколониальные революции, движимые национализмом; Н, И, С.

4. 1945–1979 гг. – коммунистические революции (страны Восточной Европы, Китай, Куба, Вьетнам и другие развивающиеся страны); П, Н, И, С.

5. 1952–1969 гг. – арабские националистические революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке; Н, И, С.

6. 1979–1989 гг. – исламские революции (Иран, Судан, Афганистан); И, Н, С.

7. 1989–1991 гг. – антикоммунистические революции (страны Восточной Европы и СССР [Голдстоун 2006]); Д, Н, И, С.

Как видим, в этот список попали идейные волны революций, притом что некоторые из них явно имеют цепную природу: наведенные, домино-волны, полемогенные, или сочетают эти связи.

С. Цирель не включает в свой список атлантические революции, коммунистические революции 1945–1970-х гг., арабские националистические революции, исламские революции, зато добавляет следующие волны:

8. 1810–1813(15) гг. – освободительная война в Латинской Америке; Д, Н, П, И, С.

9. 1830–1831 гг. – малая волна революций и восстаний в Европе; Д, И, С.

10. 1905–1911 гг. – первая красная волна, начавшаяся с русской революции 1905 г.; И, С.

11. 1917–1920 гг. – вторая красная волна (во время и после Первой мировой войны); Д, Н, П, И, С.

12. 1968 г. – волна молодежных протестов; Д, И, С.

13. 2011 г. – Арабская весна; Д, Н, И, С (Цирель 2011).

Более полный список революционных волн представляет К. Бек, причем начинает отсчет уже с XVI в. (ниже указаны только волны, не представленные в предыдущих списках):

14. 1566–1609 гг. – первая Кальвинистская, или вторая Реформация (Франция, Нидерланды); Д, Н, П, И, С.

15. 1618–1630 гг. – вторая Кальвинистская реформация, пересекается с Тридцатилетней войной (Франция, Швейцария); Д, Н, П, И, С.

16. 1821–1831 гг. – Греческая война за независимость (Греция, Молдавия, Крит); Д, П, И, С.

17. 1875–1878 гг. – Балканский кризис (Босния, Герцеговина, Болгария, Фессалия, Крит); Д, Н, П, И, С.

18. 1926–1945 гг. – фашистские перевороты и антифашистские движения (Португалия, Испания, Югославия, Франция); Н, П, И, С.

Наконец, совместно с В. В. Цыганковым, Ю. А. Пустовойтом и С. И. Филипповым мы дополнили эти ряды следующими волнами революций:

19. 1514–1555 гг. – антифеодальные бюргерские мятежи и войны, или первая Реформация (Венгрия, Словения, Испания, Виттенберг, Швейцария, Фландрия, Богемия); Д, Н, П, И, С.

20. 1595–1608 гг. – евразийские крестьянские войны (Османская империя, Московия); П, С.

21. 1648–1650 гг. – славянские бунты (Украина, Польша, Московия); Д, И, С.

22. 1703–1709 гг. – антиимперские восточнославянские восстания (Венгрия, Россия); И, С.

23. 1861–1878 гг. – американские освободительные восстания и войны (США, Доминикана, Куба); Д, Н, П, И, С.

24. 1930–1940 гг. – латиноамериканские восстания и путчи (Бразилия, Перу, Куба); И, Н, С.

25. 2000–2009 гг. – «цветные революции» (Сербия, Грузия, Украина, Ливан, Беларусь, Мьянма, Молдова, Иран); И, Н, С.

26. 2011–2012 гг. – движение «Оккупай» и «болотные» протесты (США, Испания, Канада, Израиль, Португалия, Греция, Австралия, Великобритания, Россия); Д, И, Н, С.

27. 2013–2014 гг. – восстания против гибридных режимов (волна «Центрального коллапса»: Таиланд, Украина, Босния, Венесуэла, Турция, Тунис, Египет [Коротаяев и др. 2015]); И, С.

Итак, общий список из 27 пунктов вполне может претендовать на генеральную совокупность – полный перечень явлений, попадающих в класс «революционные волны».

Типы революционных событий

Следует согласиться с Дж. Голдстоуном в том, что в теоретическом анализе революций и революционных волн следует учитывать не только успешные революции (со сменой власти или существенными уступками протестующим), но также революционные события или социально-политические кризисы, которые не привели к успеху протеста или завершились его подавлением, последующей реакцией (Голдстоун 2006).

Революциями станем называть для краткости все явления, которые могут быть элементами революционных волн:

- *успешные революции*, которые завершились либо сменой верховной власти, либо существенными институциональными уступками, долговременным замирением (не подавлением) протестов. Таковы были революция августа 1991 г., «бархатные» и «цветные» революции, революции 2011 г. в Тунисе и Египте, победа Евромайдана в феврале 2014 г.;

- *революционные события*, включающие массовые протестные акции как минимум в столице (не менее 5 % от взрослого населения столицы), происходящие, несмотря на запреты режима и вне установленных им рамок; ведут к значительным изменениям внутренней и/или внешней политики; могут привести к социально-политическому кризису, распаду государства, гражданской войне. Таковы были события в Алжире, Марокко, Ливии, Сирии с 2011 г.;

- *социально-политические кризисы*, включающие продолжительные массовые уличные протесты (не менее 30 тыс. чел.) как

минимум в столице, конфликты во власти, которые не удается разрешить стандартными способами. Таковы были антивоенные протесты в США и студенческие волнения во Франции в 1968 г.; «болотные» протесты в Москве (2011–2012 гг.);

- *массовые протесты* (не менее 10 тыс. чел.), а также забастовки, стачки, насильственные действия, необязательно в столице, но получившие общенациональный резонанс. Таковы были протесты студентов в Китае (площадь *Тяньаньмэнь*, 1989 г.), движения «Оккупай» в США и Великобритании (2011 г.).

Факторы нестабильности

В каждой стране есть некоторое состояние кризисогенных факторов, высокие значения которых составляют революционную ситуацию (Коллинз 2015; Голдстоун 2006; Цирель 2011):

- уровень *делегитимации* власти и режима – силовой, авторитетной, популярной и международной (Розов 2014); под делегитимацией понимается потеря веры не только в существующую власть, но и в возможность законным путем улучшить ситуацию (Цирель 2011);

- *слабость и неэффективность правительства* (регулярные провалы, нарушение обещаний и обязательств);

- наличие и влияние *политической альтернативы* старому режиму (идеи, организации, лидеры, перспективы);

- *раскол элит*, то есть появление контрэлиты с существенными политическими ресурсами, которая недовольна властью, своим положением, но рассчитывает на улучшение своих позиций при смене власти;

- *разложение принудительной коалиции* и растущая готовность аппарата принуждения к самоблокированию. При этом руководители силовых структур теряют обычную уверенность в том, что самой надежной стратегией является полная лояльность и подчинение правителям, особенно в подавлении протестов и мятежей. Более безопасными представляются стратегии «пересидеть» или даже «перейти на сторону возмущенного народа»;

- *резкое ухудшение экономической ситуации* или нарушение ожиданий, фрустрация от снижения уровня благосостояния;

- *наличие недовольных масс*, готовых к протесту и радикальным политическим действиям («горючий материал»). Революционная ситуация переходит в революцию, когда эмоции (гнев, враждебность, отчаяние) масс достигают такого предела, что численность протестов, радикальность требований многократно возрастают, тогда как попытки их подавления, усмирения приводят не к угасанию, а напротив – к дальнейшей эскалации и радикализации протестов;

- *готовые структуры или образцы организации и мобилизации протеста*. Таковыми могут быть либо уже сложившиеся группы и сети на основе прежнего опыта протестов и насилия, родства, соседства, делового сотрудничества, участия в войнах и т. д., либо воспринятые извне модели рекрутирования и индоктринации новых членов, планирования действий, распределения полномочий, консолидации усилий.

Сочетание высоких значений по всем кризисогенным факторам означает наличие революционной ситуации, сочетание низких значений – отсутствие ее. Совмещение высоких и низких значений означает неустойчивость с вызовами, кризисами, адекватные ответы которых ведут к укреплению режима (снижению значений указанных факторов), а неадекватные – к ослаблению его и приближению к революционной ситуации.

Крайне высокие значения по всем факторам можно метафорически представить как «предельно насыщенный раствор», когда даже малое возмущение ведет к взрывному росту протестов и радикальных действий.

Протестное напряжение и сила примера

Полезное понятие «революционная ситуация» обычно имеет бинарную структуру (есть/нет), хотя очевидно, что каждый фактор, составляющий революционную ситуацию, динамически меняется по некоторой своей шкале: легитимность правительства колеблется, конфликты в элитах меняются от обычной конкуренции до полного раскола и антагонизма, привлекательность политической альтернативы – идей, лидеров, организаций – то растет, то падает и т. д. Если условно сложить все факторы, способствующие революционной ситуации, то получим агрегированную переменную,

которую назовем «протестное напряжение». Выделим следующие ступени соответствующей шкалы:

0 – нет напряжения, режим легитимен и крепок, пользуется надежной поддержкой влиятельных групп и масс населения;

1 – слабое напряжение, наблюдаются ослабление режима, легитимности власти, а также недовольство групп по отдельным факторам;

2 – сильное напряжение по большинству факторов, состояние кризиса, при котором, однако, политические ресурсы и практики правящей группы и лояльных элит позволяют удерживать стабильность режима;

3 – предельное напряжение (глубокий кризис, революционная ситуация), когда достаточно любого небольшого толчка («закономерной случайности» – пускового события) для взрыва негодования, что проявляется в массовых политических акциях с высоким потенциалом агрессии.

В первых революциях каждой волны следует ожидать сочетания предельного протестного напряжения (ступень 3) и пускового события внутри страны (в обществе-доноре). Первые последующие революции также происходят в обществах с предельным напряжением, причем роль пускового события уже играет революция в обществе-доноре.

Чем более референтно и культурно близко общество-донор к обществу-реципиенту, чем успешнее представляется в первом революция, тем сильнее эффект для совершения революции во втором. Как видим, уровень революционного воздействия общества-донора также представляет собой агрегированную переменную, которую назовем «сила примера».

Вполне резонно предположить, что при успехе революций в двух и более референтных обществах эта сила примера складывается. Тогда ее может хватить и для того, чтобы в следующем обществе с уровнем протестного напряжения 2 также произошла революция. Крайне сомнительно, что любой силы примера хватит для революции в обществе с уровнем напряжения 1 или 0, хотя и здесь вероятны изменения в политике либо в направлении уступок (либерализации), либо, напротив, в ужесточении режима (ограничение свобод, «заморозка», авторитарный откат).

Гипотеза восполнения кризисогенных факторов

Происходит или нет революционная волна, зависит от того, насколько назрела революционная ситуация в каждом обществе – потенциальном участнике волны, от успеха и внушительности предшествующих революций, а также от активности сильных и влиятельных государств («великих держав»), которые в одних случаях стремятся подавить революции в значимых или зависимых от них странах, в других – поддержать или даже спровоцировать их, причем то и другое делают с весьма разной степенью успеха.

Следует отдельно рассмотреть воздействие революции в обществе-доноре (далее – донорской революции или революций) на факторы революционной ситуации, уровень нестабильности, успех или провал революции.

Самая общая гипотеза состоит в том, что донорская революция так или иначе *восполняет* недостающие факторы для революционных событий в обществе-реципиенте. Совершенно очевидно, что в каждом случае протестные движения в обществе-реципиенте могут получить *политическую альтернативу* (Цирель 2011) благодаря революции (особенно успешной) в обществе-доноре («у них получилось, тогда и мы должны попробовать»).

Если в обоих обществах режимы сходны или представляются в общественном мнении как сходные, тогда успешная революция в обществе-доноре почти автоматически ведет к *относительной делегитимации режима* в обществе-реципиенте. Дело в том, что революционная риторика всегда содержит обвинения старого режима и его лидеров в *несправедливости* (нарушении ценностей) и *неэффективности* (неспособности править, систематических и закономерных провалах), а эти обвинения легко переносятся с режима донора на режим реципиента, что и означает делегитимацию.

Почему иногда эта делегитимация весьма значительна и охватывает элиты и массы общества-реципиента, а иногда остается только в узких кругах упрямых противников режима, – также важная проблема для дальнейшего изучения.

Вряд ли революция в одном обществе может привести к *слабости правительства* в другом обществе, зато она может ее обнаружить. Вероятно, это происходит вследствие провальных попыток правительства общества-реципиента либо участвовать в подавле-

нии революции в обществе-доноре, либо препятствовать подобным событиям в своей стране – через репрессии, которые вызывают уже не страх, а гнев, или через уступки, которые воспринимаются уже как запоздалые, жульнические или недостаточные.

Правители, как и элиты, всегда внимательно и ревниво следят за бурными политическими событиями в соседних и влиятельных, референтных обществах. Успешная революция в обществе-доноре непременно вызывает тревогу у тех и других, но если правители всегда нацелены на сохранение status quo, пусть через уступки или ужесточение режима, то элиты в разных условиях либо сплачиваются вокруг правителей, либо *раскалываются с выделением контрэлиты*, которая уже допускает подобные события в своей стране и может даже надеяться на них, способствовать им. Движение в данной развилке идет по тому или иному пути, вероятно, в зависимости от перспектив безопасности и предпочтительности ожидаемых позиций элиты при сохранении и защите режима либо при его революционной смене.

Также неясен вопрос с влиянием революции общества-донора на потенциальный *«горючий материал»* в обществе-реципиенте. Вероятно, главное воздействие состоит в воодушевлении масс (что сходно с появлением политической альтернативы), а также в *поставке образцов мобилизации* через эмиссаров и паломников, обучении революционным методам и приемам, пропаганде, создании организаций и сетей, снабжении революционной литературой и т. д.

Роль силовых структур

Лояльность или нелояльность силовой элиты имеет экстраординарное значение в революционных событиях: будут ли они подавлены или одержат верх.

Резонно предположить, что силовая элита каждого общества – потенциального реципиента – особенно внимательно следит за судьбой своих коллег в революционной буре общества-донора. Всегда есть склонность повторять успех себе подобных и избегать провала (Beissinger 2007).

Если в обществе-доноре миролюбивые, остававшиеся нейтральными руководители полиции, армии, спецслужб не пострадали, даже остались на своих местах, то готовность силовиков к репрессиям в обществе-реципиенте падает.

Если жестокое подавление протестов привело после победы революции к репрессиям против руководителей этого подавления, то уже возникает развилка: либо «сплотиться вокруг трона» и не допустить революции даже самыми жестокими средствами, либо отказать от подавления и искать контакты с потенциальными новыми правителями.

Итак, для каждой отдельной революции на первый план выступает следующий фактор: *внушительность политической альтернативы (лидеров протеста, их организации и идей) в демонстрации силы, массовой поддержки, будущей легитимности для силовых структур режима.*

Судьба революций (успех или подавление) в рамках волны в этом аспекте определяется склонностью силовых элит подражать успеху зарубежных коллег (в защите режима, «отсиживании» или переходе на сторону протеста) и не повторять их провалов (когда пострадали те, кто безуспешно пытался защищать режим, отсиживался или поддержал революцию).

Роль внешних держав

В роли влиятельной внешней державы может выступать обществодонор, в таком случае обычно следует вести речь о попытках экспорта революции.

Направленность на подавление революций в чужих странах со стороны постреволюционных режимов – не редкость. Великобритания с конца XVII в. принимала то или иное участие в подавлении революций во Франции, в колониях, в Китае, в России. Республиканская Франция в XX в. вела попытки подавления революций во Вьетнаме, в Алжире. США с успехом или с провалом подавляли революции в Китае, Корее, на Кубе, во Вьетнаме, в Никарагуа и др. СССР подавлял освободительные движения в Венгрии, Чехословакии, Польше, руководство Российской Федерации уже в XXI в. поддерживало режим Януковича, враждебно относилось к Майдану и постмайданному режиму, осуществляло известные акции, направленные на его ослабление и подрыв. Отметим, что все эти государства и политические режимы сами появились в результате успешных революций.

Каждая волна-цепочка происходит в определенной геополитической ойкумене, то есть совокупности держав (государств, способных защищать свою территорию и территорию своих клиентов военной силой), связанных союзными, нейтральными, конфликтными отношениями.

Неконфликтная ойкумена характеризуется либо наличием единого признанного остальными державами лидера, либо альянсом великих держав, из которых ни одна не заинтересована в том, чтобы в другой происходили революции, смены режима и/или государственный распад. Очевидно, что в этой ситуации начавшаяся революционная волна вызывает тревогу, а рост волны ведет к сплоченности держав и их решимости к подавлению революций. Если «революционный пожар» сильнее совокупной мощи альянса великих держав, то начинается эпоха масштабного насилия, подчиняющаяся уже военной динамике; таковы Тридцатилетняя война после мятежей Реформации XVI в., революционные и Наполеоновские войны после Великой французской революции, Вторая мировая война после волны фашистских переворотов в Европе 1920–1930 гг.

Если же союз контрреволюционных держав или держава-гегемон достаточно сильны, то слабые протестные движения подавляются, остальные потенциальные революции купировываются (случай волны революций 1830–1831 гг.).

Немало революционных волн оказываются успешными, несмотря на внешнее сопротивление: Реформация в Северной Европе, атлантические революции, боливарианские революции в Южной Америке, антикапиталистические революции 1950–1960 гг., исламские революции 1970–1980 гг. не были подавлены, хотя всякий раз такие попытки со стороны могущественных сил имели место. Так бывает при иной геополитической конфигурации, когда есть два или более конфликтующих лидера, великие державы расколоты и враждуют между собой настолько, что каждый лагерь заинтересован в кризисе и упадке держав из другого лагеря, соответственно, склонен поддерживать в нем революции.

Эта внешняя поддержка со стороны одного лагеря (от моральной до финансовой и военной) играет существенную роль в росте революционной волны в другом лагере. Так, Россией поддержива-

лись балканские антитурецкие мятежи в 1870-х гг., Советским Союзом – прокоммунистические и антиколониальные революции 1950–1960-х гг., Западной Европой и США – сепаратистские движения в Югославии, «бархатные» и «цветные» революции, Арабская весна.

Если держава-гегемон и ее коалиция, поддерживающие старые режимы, ослаблены, то революции побеждают, но только там, где старые режимы в значительной мере зависели от этой державы-гегемона, а при снижении ее помощи утратили контроль и решимость защищаться. Причина состоит в следующем: сами революции возникают в условиях падения легитимности не только власти и режима отдельного общества, но также охватывающей его коалиции и державы-гегемона.

Поддержка этих революций со стороны конфликтующей коалиции, помимо «идеалистических» мотивов и лозунгов (свободы, справедливости, демократии, прав человека, избавления от эксплуатации и т. д.), всегда имеет «политреалистскую» подоплеку – ослабление противника. Поэтому поддержка направлена на революции в обществах, наиболее тесно связанных, зависимых в военном, экономическом и идеологическом аспектах от этого противника – державы-гегемона. Ослабление последней, утрата ею ресурсного преимущества наиболее болезненны именно для зависимых режимов, тогда как режимы с военной, экономической и идеологической автономией оказываются в данной ситуации более устойчивыми, они блокируют или успешно подавляют протестные «поползновения» в своих обществах.

Успех поддержанных СССР антиколониальных движений, революций в Китае, Корее, во Вьетнаме, на Кубе, в Анголе и Мозамбике связан с послевоенной делегитимизацией колониализма, капитализма, ослаблением метрополий Западной Европы, когда США были вынуждены обороняться (стратегия сдерживания вовне, маккартизм внутри) и только нащупывали свою новую роль в мире, допуская большие ошибки (наиболее яркая – Вьетнамская война). В странах, самостоятельно и быстро развивавшихся (ФРГ, Япония, Великобритания, Франция, Италия), антикапиталистические, прокоммунистические движения либо трансформировались, либо во-

все затухли, несмотря на массивную поддержку со стороны Москвы.

Сходная ситуация сложилась с антикоммунистическими революциями в Центральной Европе в 1989 г. Они были успешны в странах, режимы которых в наибольшей степени зависели от переживавшего перестройку СССР, стимулировавшего дискредитацию коммунизма (Польша, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Румыния). А опирающиеся на собственную военную силу и идеологию режимы в Китае, Албании, КНДР, на Кубе остались практически неуязвимыми.

Кажется, что драматический распад Югославии нарушает эту закономерность, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он только подкрепляет ее. Здесь в роли державы-гегемона выступала Сербия, тогда как в большинстве зависимых от нее обществ (республик с титульной нацией) – Словении, Хорватии, Боснии, Герцеговине, Косово, Македонии – побеждали национально-освободительные (сепаратистские, если угодно) тенденции при явной и сильной поддержке со стороны Западной Европы, а позже и США.

Геополитическая логика не отвергает фактор мировой культуры, на который делает упор К. Бек, но дополняет и даже фундирует его. Действительно, мировая культура не только помогает выигрывать геополитическим гегемониям, но и следует за геополитикой: символы, ценности, лозунги победившей коалиции широко распространяются в мире, тогда как при упадке гегемонии нарастает критика ценностей, принципов соответствующего мейнстрима и развертывается бурная конкуренция идейных альтернатив: от радикальных фундаменталистских до радикальных прогрессистских. И те и другие порождали революционные волны и вполне способны породить их в будущем.

Библиография

- Голдстоун Дж. 2006. К теории революции четвертого поколения. *Логос* 5: 58–103.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010. (Ред.). *История и Математика. О причинах Русской революции*. М.: Изд-во ЛКИ.

- Жильцов С. 2005.** «Революционные волны» на постсоветском пространстве. *Центральная Азия и Кавказ* 6(42): 7–13.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8(8): 119–127.
- Коллинз Р. 2002.** *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Коллинз Р. 2015.** Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1956.** *Полн. собр. соч.*: в 50 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Розов Н. С. 2014.** Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти. *Полис. Политические исследования* 5: 90–107.
- Цирель С. В. 2011.** Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры. *Ойкумена*. Вып. 8 / Науч. ред., сост. А. А. Фисун. Харьков. С. 174–209.
- Arrighi G., Silver B. J. 1999.** *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Beck C. J. 2011.** The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention. *Social Science History* 35(2): 167–207.
- Beck C. J. 2015.** *Radicals, Revolutionaries, and Terrorists*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Beissinger M. R. 2007.** Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions. *Perspectives on Politics* 5(2): 259–276.
- Boswell T., Dixon W. J. 1990.** Dependency and Rebellion: A Cross-national Analysis. *American Sociological Review* 55: 540–559.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- Katz M. 1999.** *Revolutions and Revolutionary Waves*. New York, NY: Palgrave Macmillan.